

**Профессионалки, «арфистки», «любительницы»:
проститутки в российском провинциальном городе
второй половины XIX – начала XX вв.**

Ключевые слова: потребление, досуг, проституция, публичный дом.

Краткая аннотация: В статье на материалах губернской Казани рассматривается рост проституции в результате развития во второй половине XIX – начале XX вв. потребительского рынка и индустрии досуга. Небывалое увеличение и разнообразие «предложения» в сфере услуг продажной «любви» сделало проституцию одной из допустимых моделей повседневного существования, создало субкультуру, оказывавшую немалое влияние на повседневные практики и ментальность низших и средних городских слоев, на городскую культуру в целом.

Сведения об авторе:

Малышева Светлана Юрьевна, образование – высшее (исторический факультет Казанского государственного университета), научная степень – доктор исторических наук, ученое звание – профессор, должность – профессор кафедры историографии, источниковедения и методов исторического исследования Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета.

Домашний адрес: 420039 Казань, ул. Декабристов, д. 191/93, кв. 53.

Тел.: дом. – (843)543-54-76, сот. 8-917-292-52-17.

E-mail: Svetlana.Malycheva@ksu.ru

Одной из форм городского досуга – досуга практически исключительно мужского, ввиду его специфики, – на протяжении не одного столетия было посещение «веселых» домов и пользование платными услугами «девушек для радости». Разумеется, как известно, эта форма досуга является одной из самых древних. Но в рассматриваемое время она, как и соответствующие заведения, обретают в России легальность.

Проституция в России была легализована в 1843 г., когда по инициативе министра внутренних дел графа Л.А.Перовского был создан орган для надзора за публичными женщинами – Врачебно-полицейский комитет¹. Вслед за этим вышел комплекс нормативных документов, регулирующих проституцию: циркуляр Медицинского департамента Министерства внутренних дел от 23 октября 1843 г. «О мерах к

недопущению распространения любово-страстной болезни» и подобный циркуляр МВД от 17 января и 24 мая 1844 г., а также утвержденные 29 мая 1844 г. «Правила содержательницам борделей» и «Правила для публичных женщин». Тем самым был создан юридический нонсенс: торговля телом законом была по-прежнему запрещена и преследовалась, но существовали правила, как следовало организовывать эту торговлю². Указанные «Правила» были изданы МВД 28 июля 1861 г. в новой редакции – теперь «пакет документов» включал «Правила для публичных женщин», «Правила для содержательниц домов терпимости» и «Правила для содержательниц тайных притонов для распутства». Официальные нормы, касающиеся проституции, до революции 1917 г. корректировались еще дважды – «Положением об организации надзора за городской проституцией в империи» (включавшим два раздела – «Организация учреждений, ведающих надзором за городской проституцией» и «Правила для проституток, содержательниц домов терпимости и поднадзорных притонов разврата»), утвержденным МВД 8 октября 1903 г., а также законом «О мерах к пресечению торга женщинами в целях разврата», утвержденным императором 25 декабря 1909 г.³.

Во второй половине XIX – на рубеже XIX-XX вв. в России процессы ускорявшегося промышленного развития, индустриализации, урбанизации, развитие городской инфраструктуры вели ко все большему разграничению сфер труда и отдыха горожанина, к расширению последней (за счет нормирования и сокращения рабочего дня, введения календаря праздничных и нерабочих дней), к качественному изменению городской повседневности и досуга. Быстро развивавшаяся индустрия досуга предлагала горожанину все больший ассортимент развлечений и новых форм отдыха, создавала соответствующие учреждения и заведения.

Развитие потребительского рынка и индустрии досуга оказалось неотделимо от увеличения «предложения» и в сфере услуг продажной «любви». Городское пространство столиц и провинциальных городов

наводняли как специализированные (разрешенные и нелегальные) заведения, так и одиночные проститутки – профессионалки и «любительницы».

В данной статье «ассортимент» рынка продажной «любви» второй половины XIX – начала XX вв. рассматривается на примере крупного губернского города Казани. Быстро увеличивавшееся (с чуть более 60 тысяч человек в середине XIX в. до 180 тысяч человек к концу первого десятилетия XX в.) и пестрое в социально-классовом, национально-конфессиональном, культурном отношении население, значительный рабочий и ремесленный «контингент», крупный гарнизон и немаленький отряд студенчества (основные «потребители» услуг проституток) сделали его весьма интересным и ярким объектом для изучения заявленной темы⁴.

Вскоре после издания «Положения» МВД, регулирующих деятельность врачебно-полицейских комитетов в Москве и Санкт-Петербурге (1844), информация о нововведениях была в 1851 г. доведена до губернских начальников. В городах полиции было предписано составлять списки публичных женщин, храниться эти списки должны были в губернских городах – во Врачебной управе, в уездных городах – в городской больнице⁵. С 1850-х гг. в Казани такие «списки и ведомости о публичных женщинах» и «ведомости о женщинах вольного обращения» и «вольного поведения» регулярно составлялись Казанской врачебной управой, а с 1865 г. – Врачебным отделением Казанского губернского правления. В Казани специальный орган для контроля за проституцией – под названием Проституционного комитета, - был учрежден в 1865 г. при полиции под председательством полицеймейстера, однако, перейдя в следующем году в ведение земства, вскоре перестал созываться⁶. Он был заново открыт в 1886 г. – под названием Врачебно-полицейского комитета и под председательством полицеймейстера⁷. В состав комитета входили также губернский врачебный инспектор, три проституционных врача, городской врач, врач от военного ведомства, два ординатора губернской земской больницы, представители города и земства. Деятельность комитета

продолжалась практически до революции 1917 г., однако уже в 1890-е гг. полицейский надзор и учет проституток в Казани значительно ухудшились⁸. Попытки «реанимировать» регистрацию и регулярные медицинские осмотры проституток в городе в 1909 г.⁹, судя по всему, тоже не увенчались особым успехом.

Правила, касавшиеся поднадзорной проституции, предусматривали практически лишь одно ограничение для «поступления» женщины в проститутки: возраст. Правилами 1844 г. минимальный возраст проститутки – и одиночки, и в доме терпимости, – ограничивался 16-ю годами (что соответствовало минимальному брачному возрасту православных женщин). Указом 1901 г. минимальный возраст женщин, поступающих в дома терпимости, был повышен до 18 лет. Согласно Правилам МВД 8 октября 1903 г., в разряд проституток могли зачисляться женщины не моложе 18 лет, а минимальный возраст для проституток в домах терпимости составил 21 год¹⁰. Официально поступить в проститутки могла любая женщина, независимо от социальной, национальной, конфессиональной принадлежности. Она должна была лишь выразить свое свободное желание. В 1886 г. муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания Мухамедьяр Султанов обратился с просьбой к Министерству внутренних дел принять положение, согласно которому мусульманки принимались бы в дома терпимости только с разрешения родителей или опекунов, а замужние – с ведома их мужей. Однако правительство данное предложение отклонило¹¹.

Исследователями давно и подробно изучены причины, побуждавшие российских женщин указанного периода заниматься проституцией, поступать в публичные дома¹². Разумеется, нужда, невозможность и неумение заработать иными способами, неграмотность и прочие стесненные жизненные обстоятельства играли здесь преобладающую роль. Однако, как ни странно и кощунственно это прозвучит, для некоторого, весьма небольшого процента женщин, публичный дом и «желтый билет» означал

хоть какое-то подобие свободы, права самостоятельно выбирать жизнь и судьбу.

Так, в одном из сентябрьских номеров 1910 года московской еженедельной газеты «Женское дело» была опубликована заметка о еврейской девушке, которая, не в состоянии преодолеть другими способами ограничения, накладываемые «чертой оседлости», была вынуждена получить «желтый билет», чтобы обосноваться в Петербурге и поступить на Бестужевские высшие женские курсы¹³. Факт регистрации двух «бестужевок» в петербургском врачебно-полицейском комитете в 1895 г. и получение ими «бланков» приводил в своем докладе в 1897 г. врач этого комитета К.Л.Штюрмер¹⁴. Врач подавал этот факт, как желание девушек «подработать» во время учебы, но, возможно, что они руководствовались теми же причинами, что и указанная выше.

Другой пример – из материалов опроса врачом Н.Н.Порошиным в 1890-х гг. проституток восьми казанских домов терпимости. Им было опрошено 56 женщин - 28 крестьянок, 11 мещанок (по всей видимости, преимущественно русских), 17 татарок. Отвечая на вопрос о причинах, побудивших их заниматься проституцией, большинство женщин назвали нужду, тяжелые жизненные обстоятельства («скиталась с ребенком – нужда»¹⁵, «средств не хватало», «не умела работать» и пр.), собственную слабость, привычку и ошибки («лень», «избаловалась», «так легко», «глупа была», «опустилась, стала пить» и пр.). Лишь немногие – и среди них татарские девушки, чаще всего жившие в прислугах, у родни и однажды соблазненные, - ответили, что ушли в публичный дом «по охоте», «по собственному желанию». Из восьми татарок-разведенных жен на этот вопрос – фактически за всех, - ответила лишь одна, остальные промолчали. Но ответ единственной из этих женщин весьма показателен: «не хотела быть второй женой»¹⁶. Уход в публичный дом они воспринимали как освобождение от невыносимой домашней несвободы. Этот нестандартный способ «обретения свободы» был обыгран в поставленной в ноябре 2009 г. в Татарском театре

им. Г. Камала в Казани режиссером Фаридом Бикчантаевым по сценарию, написанному Мансуром Гилязовым и Ризваном Хамидом по мотивам произведений Гаяза Исхаки, пьесе «Кукольная свадьба». Центральная сюжетная линия в «Кукольной свадьбе» - это история красавицы-мусульманки Камар. Мастера кукол для «кукольных свадеб» - развлечения татарских богачей XIX в., - она желает самостоятельно распоряжаться своей жизнью и больше всего на свете боится превратиться в управляемую марионетку. Эта жажда свободы и страх превратиться в куклу вынуждает Камар бежать из Казани в Оренбург и поступить проституткой в публичный дом¹⁷.

Вопрос о моральной допустимости такого выбора в среде низших и средних слоев города и сельских жителей, к которым принадлежало большинство проституток, решался по-разному. Прежде всего, отметим, что, разумеется, для части женщин, становившихся на этот путь, само это решение становилось трагедией, поскольку – помимо сопряженных с профессией физических и моральных страданий, - они нередко подвергались осуждению родных. Такие истории заканчивались либо разрывом отношений с семьей, либо настоящими драмами. Так, трагедией закончилась история вышеупомянутой еврейской девушки, взявшей в Санкт-Петербурге «желтый билет» проститутки ради того, чтобы иметь возможность жить в Петербурге и поступить на Бестужевские курсы. О роде ее занятий узнал брат девушки и покончил жизнь самоубийством, оставив ей предсмертную записку с призывом сделать то же самое. Девушка бросилась с Троицкого моста.

Однако далеко не всегда сами женщины и их семья так «драматизировали» этот выбор. Точно подметила современница, что «простонародье свыкается с проституцией, живущей бок о бок с ним, и начинает смотреть на это занятие, как на нечто обычное». Этот взгляд подкреплялся и некоторыми сторонниками регламентации проституции, заявлявшими, что «участницы в ней (проституции. – С.М.) не заслуживают вовсе презрения, а даже, наоборот, уважения», «проституцию нужно

рассматривать, как одну из форм труда (...) ремесло, которое еще долго будет существовать»¹⁸. «(...) Сухая профессия, контракт, договор, почти что честная торговлишка, ни хуже, ни лучше какой-нибудь бакалейной торговли (...) Мещанские будни – и только»¹⁹, - так комментировал это отношение А.И.Куприн. Действительно, представители низших – и даже средних, - слоев нередко с занятием проституцией смиряться, как с обычной работой, способной обеспечить прожиточный минимум и даже отсылать что-то семье. Как свидетельствуют результаты вышеупомянутого опроса, проведенного врачом Н.Порошиным в 1890-х гг. среди обитательниц казанских публичных домов, большая часть из тех, чьи родители были живы – 10 женщин из 19-ти, - продолжали регулярно видеться с матерью или отцом или обоими родителями²⁰.

Обстоятельством, особенно облегчавшим эту «делку» с совестью и общепринятой моралью, являлась пространственная удаленность от места проживания семьи, от круга родных и знакомых, от локализации деревенской или городской общины, общности, традиционно осуществлявшей надзор и контроль за действиями своих членов. Неудивительно, что, например, в 1889 г. почти половину обитательниц казанских публичных домов составляли уроженки других губерний, уроженок самой Казани среди них было еще меньше. Правда, среди проституток-одиночек местные уроженки составляли более 70 %. Велик процент «местных» был и среди проституток домов терпимости и одиночек в уездных городах²¹.

Переехав в Казань из деревни, из другого города, или занимаясь проституцией в другой части города, женщина как будто бы освобождалась от тех моральных предписаний, которые ей диктовала традиционная община. Следуя этой логике, занятие проституцией становилось предосудительным, только если о нем узнавали в родной деревне, в среде знакомых. Так, в январе 1909 г. газета «Казанский телеграф» поведала историю о том, как в марте 1907 г. в одном из татарских публичных домов Казани – доме Сайфуллина²² на Ново-Песчаной улице крестьянин Мустафин (к слову,

приехавший в Казань закупать товар и прогулявший все деньги за три дня в этом самом доме терпимости) был серьезно ранен в драке служащим борделя Сафиным – ему полоснули ножом по горлу. Оказалось, что сестра Сафина Заида трудилась проституткой в этом же борделе и держала зло на Мустафина за то, что тот, будучи в ее родной деревне, рассказал об истинном роде занятий Сафиной в Казани, дискредитировав тем самым женщину в глазах всей общины²³. То есть, сам факт занятий сестры ее брата особенно не смущал, он даже служил в том самом борделе, подавая напитки посетителям. Другое дело, что пострадала ее репутация в глазах односельчан!

Занятие проституцией далеко не всегда было одиозным в глазах представительниц низших и средних слоев – настолько, что «за компанию» в него охотно вовлекались подруги, землячки, даже родные сестры и другие близкие родственницы. Причем, это явление было повсеместным. Писатель С.С.Шашков, изучавший историю проституции в России, писал: «целые семейства сплошь и рядом живут одним только развратным промыслом; сестры с сестрами и матери с дочерьми нередко составляют проституционные компании (...)»²⁴. Списки казанских проституток также обнаруживают многочисленные факты поступления землячек и родственниц в один и тот же бордель, общего их проживания на съемных квартирах.

В списках проституток 1858 и 1859 гг.²⁵ мы видим имена явно сестер, проживавших в одном публичном доме или снимавших общую квартиру, - мещанки Анна и Агнея Васильевы, мещанские дочери Федосья и Фекла Скорняковы, а также Прасковья и Анна Соловьевы, крестьянские дочери Анна и Офимия Дорофеевы, девицы из духовного звания Вера и Елена Полиновские. Списки 1882 г.²⁶ также фиксируют факты проживания сестер-проституток в публичных домах и на съемных квартирах. Так, уржумские мещанские девицы Ольга Егоровна и Дарья Егоровна Машковцовы обитали в публичном доме Аграфены Бессмертных, сарапульские мещанские девицы Александра Павловна и Авдотья Павловна Гавриловы – в публичном доме Григорьевой-Клементевой. Подруги-землячки также предпочитали селиться

в одной квартире или борделе: например, совместно проживали в доме Гранильщикова на Задне-Ямской улице уроженки деревни Большой Сабы Сатышевской волости Мамадышского уезда Гайни Зямал Нурмухаметова и Бибигуль-Зямал Рахматуллина. Нижегородские мещанские девицы Дарья Васильевна Шкарева и Авдотья Александровна Попелева поселились и совместно трудились в доме терпимости Ладановой, костромские мещанские девицы Анна Николаевна Погожева и Анна Сергеевна Георгиевская - в публичном доме Петровой, три уржумские мещанские девицы - вышеупомянутые сестры Машковцовы и их землячка мещанская девица Елизавета Константиновна Петрова - в доме терпимости Бессмертных. Многочисленные факты такого проживания свидетельствуют об определенной распространенности явления выезда в другой город для поступления в публичный дом «за компанию».

Таким образом, спектр отношений в среде низших и даже средних городских и сельских слоев к занятию родных, знакомых проституцией был довольно широк – от отвержения и презрения, до восприятия как обычной работы, пусть и вынужденной, наконец, даже до подражания и следования примеру поступивших в проститутки сестер, подруг, землячек.

Регулярно составлявшиеся в Казани (но, к сожалению, далеко не полностью сохранившиеся) списки зарегистрированных проституток, хранившиеся в Казанской врачебной управе, а после 1865 г. – во Врачебном отделении Казанского губернского правления, позволяют в какой-то мере сформировать представление о социальном, национальном, возрастном и пр. составе казанских доступных Марий, Авдотий, Анн и Биби²⁷. Они также позволяют судить о степени «обновления» состава казанских проституток. Так, сравнение списков 1858 г. (зафиксирована 251 проститутка) и 1859 г.²⁸ (поименно обозначены 270 проституток) показывает, что повторяются в них 173 имени. В списке 1859 г. «прошлогодние» девицы составили 64 %, «новые» - 36 % (97 человек). За год выбыл 31 % от прежнего числа

проституток. Как видим, в середине XIX в. состав казанских «девушек для радости» обновлялся за год примерно на треть.

В конце 1850-х-1870-х гг. абсолютное большинство проституток Казани составляли крестьянки и мещанки, чуть меньшее количество с представительницами каждой из двух упомянутых категорий составляли также солдатки и солдатские дочери. В списках за 1858 и 1859 гг. зафиксировано, соответственно, 251 и 274 зарегистрированных проститутки²⁹. Среди обозначенных в них публичных женщин в 1858 г. фигурируют 85 мещанок и мещанских дочерей и 81 крестьянка (составлявшие, соответственно, 33,9 % и 32,3 % всех «девушек для радости»), а в 1859 г. - 90 мещанок и мещанских дочерей и 90 крестьянок (т.е., обе группы составляли по 33,3 % от общего числа проституток).

Кстати, среди крестьянок в этих списках - в том числе, казенные, удельные, отпущенницы и дворовые. Примечательно, что в 1858 г. 20 проституток, а в 1859 г. - 24 проститутки являлись дворовыми крестьянками помещиков! В числе их хозяев значатся представители известных казанских фамилий - Нарышкин, Гарталов, Путятников, Оков, Пассенковы, Васильева, Мельников, Озеров, Данауров, Маркиз, Яльцев, Наумов, Кулебякин, Натарра, Елагин, Гопин и др. Причем, проститутка Любовь Васильева, дворовая девка Гопина, занимаясь своим ремеслом, даже проживала в 1858 г. в Казани в доме своего хозяина!

Кроме того, в списке 1858 г. – 76 солдаток и солдатских дочерей (30,3 % всех проституток), дочь разжалованного майора, дочь лекарского ученика, уволенная из воспитанниц Казанского приказа, цеховая, купеческая дочь, жена дьячка. А в списке 1859 г. - 77 солдатки и солдатские дочери (28, 5 % всех проституток), а также дочь священника, жена дьячка, еще три девицы «из духовного звания», «поселенка» и те же «прошлогодние» купеческая дочь, цеховая, дочь лекарского ученика и «уволенная из воспитанниц Казанского Приказа». В списке 1871 г. из 256 проституток – 76 мещанок, 82

крестьянки, 66 солдаток и солдатских дочерей, 18 татарок (большинство, скорее всего, также крестьянок), 9 дворянок, 5 цеховых и 5 иностранок³⁰.

К началу 1880-х гг. крестьянки составляют уже намного более половины казанских проституток, в то время как процент мещанок и солдаток снижается. Так, в списках казанских жриц любви 1882 г. из 216 проституток (в домах терпимости и одиночек), чья сословная принадлежность указана, обозначены 131 крестьянка (60,6 %), 47 мещанок (21,8 %), 28 солдаток (13 %), а также две жены унтер-офицеров, жена отставного рядового, жена губернского секретаря, девица из дворян, прусская подданная, две цеховые девицы, а также «мастерская девица» и «девица завода»³¹.

Таблица 1. Сословный состав зарегистрированных казанских проституток*

	1858 год		1859 год		1871 год		1882 год		1889 год	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Крестьянки	81	32,3	90	33,3	82	32	131	60,6	215	64,6
Мещанки и мещанские дочери	85	33,9	90	33,3	76	29,7	47	21,8	79	23,7
Солдатки и солдатские дочери	76	30,3	77	28,5	66	25,8	28	13	32	9,6
Прочие	9	3,5	13	4,9	32	12,5	10	4,6	7	2,1
ВСЕГО	251	100	270	100	256	100	216	100	333	100

*Таблица составлена на основании архивных документов и также материалов статистического обследования 1889 г. (См.: НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 170. Лл. 12-12об., 20-20об., 24-25, 28-33 об.; Д. 176. Л. 2-13об., 32, 39-39об., 43, 47-47об.; Ф. 2. Оп. 5. Д. 46. Л. 6; Д. 316. Л. 95-157; Проституция в Российской империи по обследованию 1 августа 1889 г. /Под. ред. А.Дубровского. СПб., 1890. Табл. XIII. С. 36-37).

К концу века, с усилением миграции сельских жителей в город, подавляющее большинство представительниц древнейшей профессии были уже из крестьянок - в 1895 г. они составляли 78,4 % казанских проституток,

живших в публичных домах (против 32,3-33,3 % в 1858-1859 гг.!), в то время как мещанки - лишь 21,6 % (в 1858-1859 гг. составляли 33,9-33,3 %)³².

Национальный состав проституток точно определить сложно, так как данные о нем приводились редко. Можно судить лишь по косвенным признакам, например, по фамилиям и именам. В списках проституток 1858 и 1859 гг. преобладают русские (славянские) имена и фамилии, но встречаются и татарские (соответственно, 20 и 19 «девушек»), а также около десятка польских, немецких либо еврейских имен и фамилий. В списке 1870 и 1871 гг. также не указаны национальности большинства проституток публичных домов и проституток-одиночек, лишь отмечено, что в 1870 г. из 215 «девушек» – 15 татарок и 9 иностранок, а в 1871 г. из 256 – 18 татарок и 5 иностранок³³. Списки 1882 г. фиксируют 187 славянских фамилий, 23 татарских и 6 прочих (из 216 поименно названных проституток)³⁴. В 1895 г. в числе проституток официально разрешенных казанских домов терпимости было 109 русских и 30 татарских «девушек», в следующем году среди вновь зарегистрировавшихся проституток оказалось 58 русских, 11 татарок, одна турчанка и одна немка, в 1897 г. – 64 русских и 16 татарок, в 1898 г. – 29 русских, 25 татарок и одна полячка³⁵. Нельзя не заметить, что за сорок лет значительно возрос удельный вес официально зарегистрированных проституток-татарок – с 7-8 % в 1858-1859 гг. до 15,5 % - 21,5 % в 1890-х гг.³⁶. То есть, к концу века процентное соотношение проституток двух основных национальностей примерно соответствовало процентному соотношению жителей города этих двух национальностей, что свидетельствовало о сближении степени распространенности занятий проституцией среди русского и среди татарского населения города³⁷.

Таблица 2. Национальный состав казанских зарегистрированных проституток*

	1858 год		1859 год		1870 год		1871 год		1882 год		1889 год	
	Кол -во	%	Кол -во	%	Кол -во	%	Кол -во	%	Кол -во	%	Кол -во	%
Русски	223	88,	238	88,	191	88,	233	91	187	86,	282	84,

е		8		1		8				6		7
Татарк и	20	8	19	7	15	7	18	7	23	10, 6	49	14, 7
Прочие	8	3,2	13	4,9	9	4,2	5	2	6	2,8	2	0,6
ВСЕГО	251	100	270	100	215	100	256	10 0	216	100	333	100

*Таблица составлена на основании косвенных данных архивных документов (См.: НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 170. Лл. 12-12об., 20-20об., 24-25, 28-33 об.; Д. 176. Л. 2-13об., 32, 39-39об., 43, 47-47об.; Ф. 2. Оп. 5. Д. 46. Л. 6; Д. 316. Л. 95-157) и данных официальной статистики 1889 г. (Проституция в Российской империи по обследованию 1 августа 1889 г. /Под. ред. А.Дубровского. СПб., 1890. Табл. XI. С. 24).

При изучении списка проституток казанских публичных домов 1882 г. обнаруживается, что средний возраст поименно указанных в нем девиц (таковых было 143 из общего числа 193, остальные «гастролировали» на ярмарке) составлял 20,8 лет. Самая младшая проститутка не достигла установленного законом возраста - ей было 15 лет, а самой старшей исполнилось 34 года. Средний возраст обозначенных в списке (их оказалось в Казани в то время 73 из 219) поднадзорных проституток-одиночек в августе 1882 г. был выше и составлял 23,5 года. Причем, самыми младшими оказались несколько 16-летних проституток, а самой старшей – 38-летняя³⁸. Статистическое обследование 1889 г. показало еще более пестрый возрастной состав казанских зарегистрированных жриц любви, в частности, наличие проституток более «пожилого» возраста. Среди 149 проституток домов терпимости оказалось 4 проститутки 30-35-летнего возраста, а среди 184 одиночек проституток в возрасте 30-45 лет насчитывалось 39 человек³⁹.

Большинство этих женщин были неграмотными – так, в 1889 г. не имели никакого образования 88 % казанских проституток⁴⁰. В 1895 г. 76,3 % обитательниц казанских борделей не знали грамоты. В публичные дома они попадали либо сразу по приезду в город, либо поработав какое-то время чаще всего в прислугах⁴¹. По статистическим данным 1889 г., 46 % проституток в Европейской части России «рекрутировались» именно из домашней прислуги

(второй профессиональный слой, в изобилии поставлявший проституток, - швеи и портнихи – 9,2 %; заметим, правда, что 20,8 % девушек шли в проститутки прямо «от родных», из семей)⁴². Неграмотность, дезориентированность в жизни большого города, крайняя нужда вчерашних крестьянок способствовали снижению расценок на грешные утехы. Доступные объятия оказывались все более доступными.

Немалую роль в снижении расценок играла и конкуренция, ведь «предложение» на рынке этих «услуг» постоянно росло. Хотя лукавая статистика вполне может создать впечатление, что количество «жриц любви» в Казани к началу XX в. уменьшается. Если, по данным Казанской врачебной управы, в Казани в 1855 г. ежемесячно подлежали освидетельствованию от 237 до 672 проституток, то в 1858 г. – от 172 до 286 (хотя, судя по выданным свидетельствам – от 428 до 718), в 1859 г. – от 209 до 274 проституток, в 1860 г. к освидетельствованию являлось ежемесячно до 259 публичных женщин⁴³, в 1871 г. – от 180 до 256 (из последних – 114 в публичных домах и 142 одиночек)⁴⁴. К 1 сентября 1879 г. в Казани числилось 368 «женщин вольного поведения» (175 - в домах терпимости, 193 одиночек), к 1 января 1880 г. – 415 проституток (163 в домах терпимости, 252 одиночки)⁴⁵. К 1 января 1882 г. «женщин вольного поведения» в Казани числилось 585 (226 в домах терпимости, 359 одиночек), к 1 мая – 579 (219 в домах терпимости, 360 – одиночек на квартирах), к 1 сентября - 581 (в том числе: 201 проститутка в публичных домах и 380 «одиночек на квартирах»)⁴⁶. По официальным (безусловно, заниженным) данным, в 1889 г. в казанских публичных домах работали 134 проститутки, еще 189 числились проститутками-одиночками. В 1891 г. только проституток-одиночек было зарегистрировано 585, в 1892 г. – 541, в 1893 г. – 468, в 1894 г. – 373, в 1895 г. – 307, в 1896 г. – 192⁴⁷. Перепись населения 1897 г. зафиксировала в числе лиц, занимавшихся проституцией (как «родом занятий»), лишь 180 проституток и 2 проститута⁴⁸.

На самом деле, все обстояло наоборот: спрос на продажную любовь рос и, соответственно, росло и предложение. Просто все больше проституток не желало становиться на учет.

Проститутки, ставившиеся на учет, подразделялись на «билетных» и «бланковых», то есть, соответственно, обладательниц «желтых билетов» и «бланков». «Желтый билет» выдавался работавшим в домах терпимости женщинам взамен паспортов, изымавшихся полицейскими властями. Этот документ официально носил различные наименования - «заменительный билет и смотровая книжка», «медицинский билет» и пр. Заменительный билет состоял из 8 страниц (4 разворотов), на последней из которых ставились медицинские пометки («Отметка врача»), а на первой помещалась фотография проститутки; на втором развороте помещались «Правила по надзору» (13 пунктов), а страницы 5,6 и 7 занимали «Правила для публичных женщин» (16 пунктов)⁴⁹. По одной из версий, названием «желтый билет» этот документ был обязан распоряжению Павла I, введшего для проституток «спецодежду» желтого цвета. Хотя это распоряжение вскоре было отменено, желтый цвет стал ассоциироваться с профессией, перейдя позже на название документа⁵⁰. Однако более правдоподобна версия, гласящая, что наименованием «желтый билет» документ был обязан плохому качеству бумаги, на которой он печатался: бумага быстро желтела⁵¹. «Бланковыми» называли проституток-одиночек, которые должны были носить при себе «бланк» - документ на право продажи своего тела.

В Казани дело с этими «удостоверениями» проституток обстояло не блестяще. Только в конце 1868 г. казанский губернский медицинский инспектор обратился к губернатору о необходимости ввести «книжки» для женщин, «промышляющих развратом», это ходатайство было одобрено губернатором⁵².

Власти пытались контролировать и передвижения зарегистрированных проституток по стране. Для этого в начале XX в. существовали т.н. «проходные свидетельства». Его выдавали полицейские власти города,

откуда убывала проститутка. Одновременно в полицию места ее назначения поступало соответствующее сообщение. По прибытии проститутка должна была сдать проходное свидетельство в полицию и получить бланк или билет. После этого ее паспорт пересылался в город ее нового пребывания, в полицию, и там хранился. Проститутка не должна была нигде задерживаться по дороге, а также задерживаться после получения проходного свидетельства в том городе, откуда убывала. В противном случае ее могли выслать этапным порядком⁵³.

Реально число проституток было намного выше официальных данных, ведь помимо подававшихся учету властей «билетных» и «бланковых» проституток, существовало еще огромное количество женщин, занимавшихся торговлей тела «незаконно», «секретно», то есть, без разрешения властей⁵⁴. Этому весьма способствовало значительное ослабление с 1893 г. и без того неудовлетворительного полицейского надзора за одиночной проституцией в Казани⁵⁵. В 1909 г. в Казани попытались восстановить регистрацию проституток и обязательные медицинские осмотры. В июне 1909 г. в местной газете появилось следующее сообщение: «Все свободные проститутки-одиночки, проживающие на частных квартирах, в настоящее время подвергаются строгой регистрации с изъятием видов на жительство и обязательством являться на медицинский осмотр. Подобному осмотру будут подлежать все женщины, подавшие заявление на получение свидетельства. Те же, кто не подаст заявления, будут удалены в места их приписки»⁵⁶.

Однако, видимо, это начинание не имело особого успеха. К концу изучаемого периода «секретные» проститутки вообще уже без особого трепета воспринимали «разоблачение» полицией. Так, 13 января 1917 г. полицейский надзиратель 4-й части Казани обнаружил в квартире С.П.Журавлевой на ул. Ново-Песчаной (в Суконной слободе) тайный притон. Две 24-летние проститутки, крестьянки Мамадышского и Вятского уездов, оказывавшие за 3 рубля каждая «услуги» пленным австрийцам, и не

скрывали, что уже несколько лет тайно занимаются проституцией. Как можно понять из документов дела, это признание никаких последствий для них не имело. Хозяйка квартиры, первоначально приговоренная судом к штрафу в 3 рубля (!) за содержание тайного притона разврата, в апреле и от этого смехотворного наказания была освобождена⁵⁷.

Большинство даже зарегистрированных проституток предпочитало жить на квартирах и вести опасную жизнь «одиночки», нежели чем поступать в публичный дом. Скажем, из 244-х «списочных» проституток, указавших в 1859 г. место своего проживания, только 71 «девушка» состояла «на службе» в публичном доме. Остальные проживали на квартирах. Наиболее бедные и бесприютные жили даже в харчевне (1 женщина), две женщины - в «питейном хлебном» и «питейном Проломном» (т.е., в питейных домах, соответственно, на Хлебной площади и на Проломной улице). Правда, две женщины – обе солдатки, - жили в собственных домах, находившихся в 4 части города⁵⁸, то есть имели в собственности жилье. Но такая роскошь для проститутки была нечастой.

«Штат сотрудниц» домов терпимости не заполнялся. Так, в 1896 г. дома терпимости Казани могли предоставить проституткам 239 «рабочих мест», но реально в них жило 110-160 «девушек». Такой же «некомплект» наблюдался и в последующие годы⁵⁹. Малочисленность домов терпимости даже выдвигалась в 1882 г. казанским полицеймейстером в качестве аргумента против закрытия одного из борделей, не соответствовавшего определенным условиям⁶⁰. Жить на всем готовом у содержательницы заведения, предоставлявшей кров, еду, охрану было, конечно, безопаснее и менее хлопотно. Однако жизнь в борделе ограничивала личную и финансовую свободу проститутки, ставя ее в зависимость от хозяйки. Кроме того, проститутка публичного дома ставилась на полицейский учет и подвергалась постоянным медицинским осмотрам.

Проститутки публичных домов и уличные (как правило, неподнадзорные) проститутки-одиночки недолюбливали друг друга. Хотя

грань между их статусами была весьма тонка, а переход из одной категории в другую возможен. Уличные «одиночки», полагая себя более свободными (несмотря на то, что многие из них зависели от сутенеров – «котов», - не меньше, чем обительницы домов терпимости от их хозяек), обзывали проституток публичных домов «казенными» и «казенными шкурами» и – издевательски – «благородными девицами». А те, платя ответно уличным «девушкам» презрением, величали их «босьянками» и «венеричками»⁶¹.

Содержательницы домов терпимости для повышения дохода даже прибегали к своеобразному «вахтовому методу»: девушки из публичных домов в поисках заработков выезжали за пределы города, например, на Макарьевскую ярмарку, ежегодно проводившуюся в Нижнем Новгороде с 15 июля по 9 сентября. В 1882 г. из общего числа казанских «списочных» проституток – 489, - на Макарьевскую ярмарку в Нижний Новгород выехало 196 «девушек»⁶². Проститутки из Казанской губернии, например, в 1894 г. составили почти 30 % зарегистрированных «девушек для радости» на Макарьевской ярмарке, даже число их товаров из Нижегородской губернии составляло лишь около 26 %⁶³.

Существовали специфические практики «вывоза» на Макарьевскую ярмарку проституток-татарок. Один такой способ описан в художественном произведении татарского писателя Тимерши Соловьева «Биби-Казан». Героиню повести и еще одну «секретную» проститутку сводня повезла на ярмарку, предварительно «записав их в книгу» у подкупленного муллы, как жен едущего с ней на ярмарку знакомого мужчины. То есть, чтобы избежать неприятностей с полицией и необходимости официальной регистрации женщин в качестве проституток, были заключены фиктивные мусульманские браки. А по возвращении с ярмарки с помощью того же муллы «в книгу записали талак», то есть развод⁶⁴.

Иногда на время ярмарок в места их проведения переезжали даже целые публичные дома. «Выезды» на ярмарки оказывались очень выгодны. Служивший тапером в десятках публичных домов Поволжья и Урала

А.И.Шнейдер-Тагилец свидетельствовал, что «несколько раз бывал в Нижегородской и Ирбитской ярмарках и по просьбе хозяек (которые бывают большею частью неграмотные) вел приходно-расходные книги, которые показали следующие цифры: в Нижегородской ярмарке была торговля около 18 тысяч рублей, в Ирбитской около 5 тысяч рублей, следовательно, в течение трех ярмарочных месяцев один дом терпимости торговал около 23 тысяч рублей!»⁶⁵.

«Дома терпимости в Казани посещаются мало, - писал в 1896 г. казанский врач Н.Н.Порошин, - тайная же проституция растет»⁶⁶. Причем, неуклонно росло число, так сказать, «сезонных» проституток-«любительниц», то есть женщин, не упускавших случая «подзаработать» своим телом от случая к случаю. Особенно это явление было распространено в сезоны ярмарок, базаров, в праздники, когда возрастал спрос на такого рода досуговые развлечения.

Именно эта категория проституток вызывала большую озабоченность властей, ведь они не поддавались никакому контролю или учету. Казанский губернский врачебный инспектор подчеркивал в 1884 г. в записке Казанскому губернатору, что именно эта категория «скрытных проституток города из прислуги и швей, либо женщины, являющиеся из соседних селений на базары и праздники», являются причиной распространения венерических заболеваний в городе⁶⁷. Инспектор верно подметил резкое увеличение числа скрытых проституток в городе накануне больших праздников. Так, он фиксировал во второй половине декабря 1883 г., «ввиду предстоящих праздников, скопление бродячих женщин и размещения их по трактирам и питейным заведениям для разврата»⁶⁸.

К концу XIX в. скрытая проституция процветала в досуговых учреждениях и заведениях, назначение которых не имело ничего общего с «задачами» публичных домов. Речь идет о трактирных заведениях, гостиницах и других заведениях с продажей спиртных напитков, а также о банях. Посещение трактирных заведений было прерогативой в основном

мужского населения. Лишь в начале XX в. в российских столицах, а затем – и в провинции, постепенно распространяется обыкновение посещать рестораны семьями, праздновать в них праздники, отмечать Новый год⁶⁹. В последние же десятилетия XIX в. в большинстве казанских трактирных заведениях, как и во многих подобных заведениях других провинциальных городов, дамы появлялись крайне редко. Эти заведения были переполнены женщинами весьма сомнительного поведения - как отмечал в октябре 1883 г. казанский городской голова, - «женщинами, хотя носящими различные названия: певиц, арфисток, приказчиц и т.д., но в сущности, торгующих собой. Женщины эти служат приманкой для молодых людей»⁷⁰. Кстати, в протоколах Казанского проституционного комитета указывалось, что состав «арфисток» нередко пополнялся за счет бывших проституток⁷¹. «Арфистка это то же самое, что и проститутка»⁷², - прямо заявлял А.И.Шнейдер-Тагилец, хорошо знавший реалии «изнутри».

Чаще всего, «арфистки» и жили при тех трактирных заведениях, в которых работали. Это выявили и результаты осмотра 69-ти питейных заведений 2-й части Казани, произведенного городским врачом Борисовым и чиновником особых поручений при губернаторе Леманом осенью 1882 г. Так, в трактирном заведении купца Шпакштейна на Мокрой улице в собственном доме (выше мы уже упоминали его «притон тайного разврата») пели десять арфисток, помещавшиеся в пяти «номерах» квартиры наверху трактира. В трактирном заведении купца Чеденер на Московской улице в доме Васильева тоже пели десять арфисток, проживавших наверху в единственной комнате с тремя перегородками. Особенное подозрение инспектирующих вызвало трактирное заведение Гольдбаума на Задне-Мокрой улице в доме Бутовой. «Приказчица заведения чиновница Александра Кирпичникова, - сообщали они, - находится вместе с тем приказчицей непотребного дома, содержимого женой хозяина заведения Гольдбаум. Кухарка в этом заведении, крестьянка Ирина Степанова оказалась пьяной, ранее этого она была записана публичной женщиной, но

недавно исключена»⁷³. Екатерина Петровна Гольдбаум, 45-летняя жена отставного унтер-офицера, действительно, была хозяйкой публичного дома на Песках в доме Рубцова, где содержала шесть проституток. Таким образом, между трактирными и публичными заведениями Мокрой слободы и Песков существовали весьма тесные «территориальные» и персональные контакты, нередко их владельцами были одни и те же люди, или члены одной и той же семьи, женский персонал нередко плавно «перетекал» из одного заведения в другой, и задачи заведений тесно и «гармонично» переплетались.

В октябре 1883 г. казанский городской голова предложил городской думе запретить вообще «присутствие женщин во всех без исключения местностях продажи крепких напитков», что вызвало одобрение некоторых гласных думы. Они отмечали, что «с точки зрения эстетики, пение и музыка мало произведет впечатление на подгулявшего человека, а для других есть театр». Другие гласные возражали, указывая, что такое решение лишит заработка честных женщин. Возражали, разумеется, и обиженные владельцы «привилегированных ресторанов», просившие не смешивать их приличные заведения с разного рода «харчевнями»⁷⁴. Содержатели и арендаторы таких «привилегированных ресторанов» (выражение документа) В.И.Ожегов, С.И.Лотов, В.Л.Майков писали в ходатайстве на имя губернатора, что в их ресторанах никогда не было ни разврата, ни скандалов, что они приглашают хоры по контракту на зимний сезон, они известны в Казани и репутация их безупречна. Казанская публика, - гордо заявляли содержатели ресторанов, - «удостаивала нас своим преимущественным посещением сравнительно с прочими гостиницами»⁷⁵. Были и другие доводы против удаления «арфисток» из трактиров: еще в ноябре 1882 г. «Особое присутствие по проституции» сочло «опасным» полное уничтожение разрешения некоторым гостиницам иметь арфисток, «особенно до того времени, пока не будет **больших и благоустроенных домов терпимости**»⁷⁶ (выделено мной. – С.М.)! Таким образом, «Особое присутствие» прямо и откровенно указывало на истинный род занятий так называемых «арфисток».

Но городская управа приняла решение: воспретить в трактирных и других заведениях содержать арфисток, воспретить в питейных, трактирных, пивных, портерных и других подобных заведениях содержание женской прислуги⁷⁷.

Однако реально удалить «арфисток» и «женские хоры», а тем более женскую прислугу из многочисленных трактирных заведений города - а таковыми дамами были наводнены даже самые низкопробные трактиры-«дешевки», - оказалось непросто. Столь же безрезультатны оказались, кстати, и попытки уничтожить женские «хоры арфисток» на Нижегородской ярмарке: они были запрещены в 1892 г., но «счастливо» возродились в 1893-1894 гг. под наименованием «семейных» хоров⁷⁸. Еще одну слабую попытку предприняло в 1900 г. Казанское общество защиты несчастных женщин, обратившееся к полиции с просьбой вообще не допускать женщин в рестораны и портерные и запретить держать в них женскую прислугу. На это полицмейстер направил Обществу ответ, в котором сообщил, что полиция не имеет права не допускать женщин в трактирные заведения, а вот за удалением оттуда проституток обещал следить⁷⁹. Так что это обращение, фактически, не имело никаких последствий.

Размах занятия проституцией в «артистических кругах» трактирных и развлекательных заведений привлек и внимание правительства. В 1907 г. министр внутренних дел разослал губернаторам и градоначальникам циркуляр, призванный пресечь процветание проституции под видом артистических занятий: предпринимателям (антрепренерам и пр.) запрещалось брать на себя обеспечение артисток жильем и продуктами, предлагать им или заставлять их ужинать или проводить время с посетителями. Однако и эта мера не возымела действия. Примечательно, что ни в канцелярии казанского губернатора, ни в губернском правлении и у казанского полицмейстера этого циркуляра не оказалось⁸⁰.

«Арфистки» и «сезонные» проститутки и дальше успешно составляли сильную конкуренцию зарегистрированным проституткам-профессионалкам, превышая их, к тому же, численно.

Рост «любительской» проституции значительно усугубила первая мировая война. В городах увеличивалось количество войск – потенциальных потребителей дешевых и незатейливых сексуальных услуг, увеличивалось количество обесценивавшихся денежных знаков. «Тыл становится поставщиком и питомником небывалой, массовой проституции»⁸¹. Как верно подметил автор одной из газетных публикаций 1916 г., «в крупных центрах, где теперь кипучая трудовая деятельность скопила людей и деньги, - проституция явно усилилась и давно уже перешла ту черту, в которой держала ее наша обыденность до войны (...)». Однако тот же автор указал и на еще одну причину небывалого распространения проституции в обществе – снижение и даже снятие моральных сдержек под влиянием перманентной угрозы смерти своей и близких, под влиянием слома личности в результате потерь близких и пр.: «война чрезвычайно изменила у многих интимную сторону жизни, устои «домашнего угла» ослабли без непосредственного влияния мужчины – мужа или сожителя... Женская психика раздвоилась... Более крепкие натуры нашли забвение в кипучем труде; натуры колеблющиеся и слабенькие отдали себя в жертву случайности». Автор в общем-то правильно поставил диагноз явлению: «проституция стала уже не только социальным явлением, но и частью настроения известных слоев народной массы в городах»⁸². Однако это произошло намного раньше. Как мы видели выше, мир проституции воздействовал на ментальные установки низших и даже средних слоев городского населения задолго до войны, и довоенная «обыденность» не только не «держала проституцию за чертой», но и активно вбирала в себя элементы этой городской субкультуры.

Статья написана в рамках краткосрочного гранта в области гуманитарных наук в Беларуси, России и Украине Американского совета научных сообществ (ACLS – American Council of Learned Societies) 2010-2011 гг. и является частью готовящейся к изданию монографии «Публичные дома и проститутки в досуговой и повседневной жизни Казани второй половины XIX – начала XX вв.».

¹ По данным Н.Лебиной и М.Шкаровского – в мае 1843 г., по данным А.А.Ильюхова – в марте 1843 г. См.: Лебина Н., Шкаровский М. Деталь ночного пейзажа: кое-что из мира проституток Санкт-Петербурга и Ленинграда // Родина. 1994. № 1. С. 61; Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М., 2008. С. 41.

² Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М., 2008. С. 48.

³ См.: Зюбан М.Н. Эволюция царской политики в отношении женской проституции [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.asu.ru> (дата обращения: 6.12.2010).

⁴ Большинство населения Казани в конце XIX в. относилось к сословию крестьян (52,8 %) и мещан (30,8 %), дворянство составляло 8,8 %, духовенство - 1,9 %, купцы - 1,8 %, почетные граждане - 1,5 %. 71,1 % населения города составляли русские (большинство – православные), 21,9 % - татары (большинство – мусульмане), 1,2 % - поляки, 1 % - евреи, 0,8 % - немцы, в городе проживало не менее полутора десятков представителей других национальностей, каждая из которых составляла менее 0,5 % населения (См.: Первая всеобщая перепись населения. Т. 14. Казанская губерния. 1897 год). К 1916 г. при увеличении среди казанцев процента крестьянского населения (59,27 %) и почетных граждан (2,65 %), уменьшилась доля как мещан (18,8 %), так и ряда высших и знатных сословий: дворяне составили 2,78 %, духовенство – 0,8 %, купцы – 0,8 %. Увеличился и процент русских жителей – 78,6 %, а доля татар уменьшилась до 16,9 %, поляки составляли 1,3 %, немцы и евреи – по 1,2 % жителей города (См.: Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 482. Оп. 1. Д. 182. Л. 155, 176-181).

⁵ Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М., 2008. С. 42-43.

⁶ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 3об.-5, 7об.

⁷ Порошин Н.Н. Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // Врач. 1896. № 10. С. 272.

⁸ Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М., 2008. С. 135.

⁹ См.: В Казани восстановлена регистрация проституток [Электронный ресурс] // Камско-Волжская речь. 1909. 11 июня. URL: <http://www.davnosti.ru> (дата обращения: 10.12.2010).

¹⁰ Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М., 2008. С. 34, 131.

¹¹ См.: Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа, 1999. С. 170.

¹² См., например: Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII в. до 1917 года. М., 2008. Глава 6. «Истоки и причины проституции».

¹³ См.: неопубликованная рукопись статьи: Руднева Я.Б. Образ еврейской девушки в российской прессе в начале XX века (по материалам газеты «Женское дело»). Благодарю Я.Б.Рудневу за информацию об этом факте и за возможность ознакомиться с рукописью до публикации статьи.

¹⁴ Штюрмер К.Л. Проституция в городах // Труды высочайше разрешенного съезда по обсуждению мер против сифилиса в России, бывшего при Медицинском департаменте с 15 по 22 января 1897 г. СПб., 1897. Т. 1. Разд. 9. С. 9.

¹⁵ Согласно статистическому обследованию 1889 г., более 11 % казанских поднадзорных проституток имели детей, причем, 3,9 % имели детей до поступления в проститутки, а 7,2 % родили детей, уже занимаясь этим ремеслом. См.: Проституция в Российской империи по обследованию 1 августа 1889 г. / Под ред. мл. ред. Центрального статистического комитета А.Дубровского (Статистика Российской империи. XIII). СПб., 1890. Табл. XIV. С. 40.

¹⁶ См.: Порошин Н.Н. Надзор за проституцией в г. Казани в 1897 и 1898 гг. // Врач. СПб., 1899. Т. 20. № 52. С. 1534 («Таблица поголовного опроса женщин, живущих в 8 домах терпимости (ответы записывались дословно)»).

¹⁷ См.: Кадырова А. Татарский театр перестал стесняться проституток [Электронный ресурс] // Вечерняя Казань. 2009. 5 ноября. № 158 (3932). URL: http://www.evening-kazan.ru/article.asp?from=section§ion_id=7&id=33331&artcount=3206&artoffset=80&limit=20 (дата обращения: 8.12.2010).

¹⁸ Цит. по: Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М., 2008. С. 340-341.

¹⁹ Куприн А.И. Яма // Куприн А.И. Собрание сочинений в 9 тт. Т. 6. М., 1972. С. 204.

²⁰ См.: Порошин Н.Н. Надзор за проституцией в г. Казани в 1897 и 1898 гг. // Врач. СПб., 1899. Т. 20. № 52. С. 1534 («Таблица поголовного опроса женщин, живущих в 8 домах терпимости (ответы записывались дословно)»).

²¹ Проституция в Российской империи по обследованию 1 августа 1889 г. / Под ред. мл. ред. Центрального статистического комитета А.Дубровского (Статистика Российской империи. XIII). СПб., 1890. Приложение I. С. 6-7.

²² Содержательницами публичных домов, по закону, могли быть только женщины. Но нередко на «дам» бордель только оформлялся, а всем заправлял муж или сожитель. В данном случае, вероятно, речь идет именно о таком случае, либо заведение названо в газетном репортаже по имени владельца дома, в котором оно находилось (публичные дома чаще всего арендовали помещение).

²³ Судебная хроника. Нанесение тяжкой раны // Казанский телеграф. 1909. 11 января. Дается по неопубликованной рукописи: Gerasimov Ilya V. The Patriarchal Metropolis: Trespassing the Social Barriers in Late Imperial Vilna.

Благодарю Илью Герасимова за любезно предоставленную возможность ознакомиться с рукописью этой работы.

²⁴ Шашков С.С. История русской женщины // «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века. В 3 кн. Кн. 2. М., 2004. С. 694.

²⁵ НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 170. Лл. 12-12об., 20-20об., 24-25, 28-33 об.; Д. 176. Лл. 2-13об., 32, 39-39об., 43, 47-47об.

²⁶ НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Лл. 95-108 об., 110-157.

²⁷ Именно эти имена чаще всего встречались среди казанских проституток середины XIX в., 25-28 % «девиц» звались именно Марьей, Авдотьей или Анной. Среди татарок бытовали «многосложные» имена, но первым именем чаще всего было имя Биби. Интересно, что к 1880-м гг. в этом плане практически ничего не изменилось: имена Марья, Анна, Авдотья носили примерно четверть всех казанских зарегистрированных проституток. Правда, численно Анны «потеснили» в этом списке Авдотий, кроме того, столь же популярным, как и Авдотья, стало имя «Александра». См. списки проституток 1882 г.: НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Лл. 95-108 об., 110-157.

²⁸ См.: НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 170. Лл. 12-12об., 20-20об., 24-25, 28-33 об.; Д. 176. Лл. 2-13 об., 32, 39-39об., 43, 47-47об.

²⁹ См.: НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 170. Лл. 12-12об., 20-20об., 24-25, 28-33 об. (списки 1858 г.); Д. 176. Л. 2-13об., 32, 39-39об., 43, 47-47об. (Списки 1859 г. являвшихся к

освидетельствованию проституток за январь-декабрь, не сохранился лишь дополнительный список за июль (4 проститутки). В списке 1859 г. не обозначена сословная принадлежность трех женщин с иностранными именами и фамилиями и неизвестна принадлежность четырех женщин из несохранившегося июльского списка).

³⁰ НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 46. Л. 6.

³¹ НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Л. 95-157.

³² Порошин Н.Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 271.

³³ НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 46. Л. 6, 7.

³⁴ НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Л. 95-157.

³⁵ Порошин Н.Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 271; Порошин Н.Н. Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // Врач. СПб., 1897. Т. 18. № 25. С. 708; Порошин Н.Н. Надзор за проституцией в г. Казани в 1897 и 1898 гг. // Врач. СПб., 1899. Т. 20. № 52. С. 1533.

³⁶ В 1895 г. татарки составили 21,5 % среди зарегистрированных казанских проституток, в 1896 г. – 15, 5 %, в 1897 г. – 20 %, в 1898 г. – даже 45 %. Последняя цифра выпадает из общей тенденции, поэтому нуждается в уточнении.

³⁷ Если учесть, что по переписи населения 1897 г. русских жителей в Казани насчитывалось 92402 человек (или 71,1 %), а жителей-татар – 28520 человек (или 21,9 %) (См.: Первая всеобщая перепись населения. Т. 14. Казанская губерния. 1897 года), то во второй половине 1890-х гг. проститутки-русские составляли примерно 0,06 % - 0,1 % русского населения города, а проститутки-татарки – 0,03 % - 0,1 % татарского населения.

³⁸ НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. л. 110-157, 95-108об.

³⁹ Проституция в Российской империи по обследованию 1 августа 1889 г. / Под ред. мл. ред. Центрального статистического комитета А.Дубровского (Статистика Российской империи. XIII). СПб., 1890. Табл. XII. С. 32.

⁴⁰ Правда, среди них встречались и женщины, получившие образование дома (7 человек), в приютах (4 человека), в начальных училищах (13 человек) и даже в прогимназиях (3 человека). См.: Проституция в Российской империи по обследованию 1 августа 1889 г. / Под ред. мл. ред. Центрального статистического комитета А.Дубровского (Статистика Российской империи. XIII). СПб., 1890. Табл. XV. С. 48-49.

⁴¹ Порошин Н.Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 271.

⁴² См.: Проституция в Российской империи по обследованию 1 августа 1889 г. / Под ред. мл. ред. Центрального статистического комитета А.Дубровского (Статистика Российской империи. XIII). СПб., 1890. Табл. XX. С. 74.

⁴³ НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 129. Л. 41об.-42; Д. 170. Л. 2об.-26, 35об.-59; Д. 171. Л. 183об-184; Д. 176. Л. 16об.-33, 46об., 48; Д. 184. Л. 142. Более поздних документов освидетельствования казанских проституток не сохранилось.

⁴⁴ НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 32. Л. 2об-36; Д. 46. Л. 6.

⁴⁵ НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 143. Л. 12.

⁴⁶ НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 318. Л. 12; Д. 319. Л. 27.

⁴⁷ Порошин Н.Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 273.

⁴⁸ Первая всеобщая перепись населения. Т. 14. Казанская губерния. 1897 года.

⁴⁹ См.: Проституция в России [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 07.12.2010); Желтый билет [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 07.12.2010).

⁵⁰ См.: Малахов А. Три века российской проституции [Электронный ресурс] // Коммерсантъ-Деньги. 2001. 5 мая. № 17-18. URL: http://www.aferizm.ru/histiry/his_3veka_rus_prost.htm (дата обращения: 07.12.2010).

⁵¹ См.: Письма частного человека [Электронный ресурс]. URL: <http://honestlil.livejournal.com/54962.html?page=2> (дата обращения: 6.12.2010).

⁵² См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1900. Л. 1-3. Впрочем, по свидетельству казанского врача Н.Н.Порошина, проститутки все время теряли свои документы.

⁵³ Так, в Национальном архиве Республики Татарстан хранится проходное свидетельство проститутки Биби-Камал Кирбамбаевой, которая в августе 1902 г. отбыла из Н.Новгорода в Казань. См.: НАРТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 70. Л. 9.

⁵⁴ См.: Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М., 2008. С. 30-31; Лебина Н., Шкаровский М. Деталь ночного пейзажа: кое-что из мира проституток Санкт-Петербурга и Ленинграда // Родина. 1994. № 1. С. 62.

⁵⁵ См.: Штюмер К.Л. Проституция в городах // Труды высочайше разрешенного съезда по обсуждению мер против сифилиса в России, бывшего при Медицинском департаменте с 15 по 22 января 1897 г. под предс. директора Медицинского департамента Л.Ф.Рагозина. СПб., 1897. Т. 1. Разд. IX. С. 23, 36.

⁵⁶ В Казани восстановлена регистрация проституток [Электронный ресурс] // Камско-Волжская речь. 1909. 11 июня. URL: <http://www.davnosti.ru> (дата обращения: 10.12.2010).

⁵⁷ См.: НАРТ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 140. Л. 6-7, 9.

⁵⁸ НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 176. Л. 2-13об., 32, 39-39об., 43, 47-47об.

⁵⁹ См.: Порошин Н.Н. Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // Врач. СПб., 1897. Т. 18. № 25. С. 707; Порошин Н.Н. Надзор за проституцией в Казани в 1897 и 1898 годах // Врач. СПб., 1899. Т. 20. № 52. С. 1533.

⁶⁰ НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Л. 159.

⁶¹ См.: Куприн А.И. Яма // Куприн А.И. Собрание сочинений в 9 тт. Т. 6. М., 1972. С. 355.

⁶² НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Л. 94. Судя по спискам, приводимым в этом же деле, общее число «списочных» проституток было 412, а не 489.

⁶³ Холевинская М.М. Отчет об осмотрах проституток на Самокатском смотровом пункте Нижегородской ярмарки в 1894 г. // Врач. 1895. Т. 16. № 17. С. 472.

⁶⁴ См.: Соловьев Т.С. Биби-Казан. Оренбург, 1906.

⁶⁵ Шнейдер-Тагилец А.И. Жертвы разврата. Мои воспоминания из жизни женщин-проституток. Уфа, 1908. Дается по: Шнейдер-Тагилец А.И. Жертвы разврата. Пианист в публичном доме [Электронный ресурс] / Подготовила Мария Бахарева. Сайт «Русская жизнь». URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/1203/> (дата обращения: 28.02.2011).

⁶⁶ Порошин Н.Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 273.

⁶⁷ Впрочем, зарегистрированные проститутки усиленно вносили свою «лепту» в распространение венерических заболеваний, не уступая «любительницам». За четыре месяца 1884 г. в Казанский военный госпиталь и Казанскую земскую больницу поступило 178 солдат-новобранцев с венерическими заболеваниями, из них 112 случаев заражения приходилось на (зарегистрированных) публичных женщин, а остальные 66 заразились в результате контактов, произошедших в трактирах, на улицах, частных домах, кабаках, портерных, постоянных домах, банях. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 2об. В 1898 г. из 283 поднадзорных проституток Казани 150 (т.е. 55 %) были заражены сифилисом, а в 1897 г. из 290 – 164 (или 56,5 %). См.: Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М., 2008. С. 273.

⁶⁸ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 7об., 9.

⁶⁹ Хмелевская И.Б. Столичный досуг в начале XX в.: Петербург и Москва: Дис. ...канд. ист. н., М., 2004. Л. 76,77, 90. Впрочем, в некоторых казанских гостиницах встречали Новый год намного раньше. Так, Новый, 1869 г. встречали в Меркуловской гостинице, где «разный люд задыхался от жара и от невыносимой давки (...) трактир в этот вечер представлял собою казанское Эльдorado с жизнью нараспашку» (См.: Казанский биржевой листок. 1869. 5 января). В отличие от «разного люда», «приличное» казанское

общество в тот год предпочло встречать Новый год в здании Городского театра, в Купеческом собрании, в здании университета.

⁷⁰ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5497. Л. 1.

⁷¹ НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Л. 162об.

⁷² Шнейдер-Тагилец А.И. Жертвы разврата. Мои воспоминания из жизни женщин-проституток. Уфа, 1908. Дается по: Шнейдер-Тагилец А.И. Жертвы разврата. Пианист в публичном доме [Электронный ресурс] / Подготовила Мария Бахарева. Сайт «Русская жизнь». URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/1203/> (дата обращения: 28.02.2011).

⁷³ НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Л. 224-224об.

⁷⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5497. Л. 1об.-5, 12-13.

⁷⁵ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5497. Л. 12об.

⁷⁶ НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Л. 257.

⁷⁷ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 61-63.

⁷⁸ См.: Холевинская М.М. Отчет об осмотрах проституток на Самокатском смотровом пункте Нижегородской ярмарки в 1894 г. // Врач. 1895. Т. 16. № 17. С. 472.

⁷⁹ Протоколы Общества защиты несчастных женщин // Деятель. Казань, 1900. № 5. С. 273; № 6-7. С. 338.

⁸⁰ См.: Елистратов А.И. Борьба с проституцией в Европе. Казань, 1909. С. 300-301.

⁸¹ См.: Войтоловский Л.Н. По следам войны. Походные записки 1914 – 1917. М.-Л., 1931. С. 105.

⁸² См.: Никитич Н. Страшная гримаса тыла (По поводу усиления проституции в крупных центрах) // Петроградские ведомости. 1916. 1 (14) сентября.